

Frédéric RICHAUD

**LE COIFFEUR
DE MARIE-ANTOINETTE
et autres oubliés
de l'Histoire**

Фредерик РИШО

**ПАРИКМАХЕР
МАРИИ-АНТУАНЕТТЫ
и другие причуды
Истории**

*Перевод с французского
Дмитрия Савосина*

МОСКВА «ТЕКСТ» 2019

УДК 929
ББК 63.3(0)-8
P57

Графическое оформление и иллюстрации:
Коринна Лиже при участии All-Silhouettes.com
и Клемана Сульманьона (с. 47)

ISBN 978-5-7516-1547-5

© LE CHERCHE MIDI ÉDITEUR

© ИД «Текст», издание на русском языке, 2019

*Моей дочери Аликс
посвящаю я этих незнакомцев,
которых она так хорошо знает*

Во всей истории я люблю только анекдоты.

Проспер Мериме

Вместо предисловия

Идея написать такую книгу пришла мне на ум, когда я приехал поучаствовать в книжной ярмарке, устроенной на площади одной провансальской деревушки. Книжный бизнесмен, пригласивший меня, во-дружил передо мной стопку издания моего нового романа и принес кофе в пластиковом стаканчике. Я запасся ручкой, полной чернил; накануне придумал несколько приличных формулировок, уместных для надписывания книг, и, нацепив на лицо самую любезную улыбку, приветствовал его зеваяк, ходивших мимо с таким же видом, с каким на рынке гуляют меж рядов с фруктами и овощами, стараясь понять, насколько они свежие.

А потом подошел он — в светло-синем костюме, на фоне которого так сияли его прекрасные глаза. Он любезно поздоровался со мной, потом сел справа — и вдруг, точно по мановению волшебной палочки, кругом закрутилась-завертелась настоящая толчея. К нему бежали со всех сторон: молодые, старики, дамы, господа...

— Ах, месье д'Ормессон*, как мы рады видеть вас среди нас!

* Жан д'Ормессон (1925–2017) — французский писатель, дипломат и философ, с 1973 г. член Французской академии; при жизни был признан классиком. (Примеч. переводчика. Далее, если не указано иное, — примеч. автора.)

— О, какая честь...

И вот уже нет ни моей книги, ни меня самого — нас как будто и в природе никогда не бывало. Люди садились на мои стопки, чтобы стать повыше и увидеть или сфотографировать мэтра, который своим характерным фальцетом благосклонно отвечал всем — читателям, читательницам, — с одинаковым вниманием. Прошло два часа, и тут «вечно юный классик» наконец истощился. Он встал, вежливо попрощался со мной и, преследуемый толпой охотников за автографом, оставил меня одного — со стопкой моих расплющенных книг, пером, по-прежнему полным чернил, и смущенно улыбавшимся книжным бизнесменом.

Однако, что бы там ни подумал этот книготорговец, я менее всего на свете был огорчен: разве не довелось мне, маленькому человечку, рядовому строевой службы, на миг оказаться рядом с человеком великим? Разве я не был рядом с ним по эту сторону барьера (в данном случае раскладного столика, покрытого зеленым сукном), который отделял избранных от общества простых смертных? И вот когда я вышел покурить сигаретку (а следом не вышел никто), еще озаренный столь внезапным откровением, план этой книги вдруг пришел сам собой: да разве, спросил я самого себя, — да разве История не набита под завязку не только Ормессонами, но и никому не известными типами, которые ежедневно, ежечасно ходят вокруг, толкая или просто слегка задевая друг друга?

Тогда, вернувшись домой, я захотел поразвлечься, отыскивая каких-нибудь личностей под стать себе, — тоже

спрятавшихся в тени великого человека или знаменательного события. Искать мне пришлось недолго: их оказалось полным-полно повсюду, во всех эпохах, в любой социальной среде: астронавты, механики, мясники, домохозяйки, часовщики, парикмахеры, чьи-то отпрыски, велосипедисты, заправщики бензоколонок и даже коты... Тут поневоле скажешь: да они только и ждали мгновенья, когда можно будет покинуть те лимбы, где История, это большое несправедливое колесо, держала их взаперти.

Тогда я поступил так же, как месье д'Ормессон за тем столиком: с улыбкой построил их всех в том порядке, в каком они мне вспомнились; выслушал их маленькие забытые историйки, то веселые, то печальные, а иногда трагические, и — вместо посвящения или эпитафии — прошептал каждому на ухо:

«Главное – это участие!»

Ф.Р.

ПОСЛЕДНИЙ ЧЕЛОВЕК НА ЛУНЕ

ЮДЖИН СЕРНАН,
астронавт

Я, как и миллионы людей, прекрасно помню тот день, когда на Луну ступила нога Нейла Армстронга. Это случилось в июле 1969-го. Мне исполнилось три годика. В те времена в нашем доме не было телевизора. Мать повела нас с братом поприсутствовать на таком событии в подсобку лавочки мамыши Мало-Не-Покажется, местной бакалейщицы, обязанной своим прозвищем ценам — они в ее магазинчике не уступали «Бон-Марше».

Было ли это утром? После полудня? Днем или ночью? Этого моя память не сохранила. Зато по сей день помню, как мы с братом сидели на стульях «Формика», запрокинув головы и глядя в черно-белый экран телевизора, водруженного на холодильник. В телевизоре какой-то тип, похожий на славного парня Мишлена из шиномонтажа, куда мой отец заезжал поменять зимние шины на летние и заправиться, спускался по маленькой лесенке, при этом говоря так, будто заткнул себе нос.

И наоборот — как и миллионы людей, я совершенно не помню, где был 14 декабря 1972 года, в тот день, когда тридцатипятилетний Юджин Сернан,

после четырехдневного сбора проб лунного грунта, вместе со своим другом Харрисоном Шмиттом оказался последним человеком, покинувшим поверхность Луны. Из двенадцати побывавших на Луне астронавтов он пробыл на ней дольше всех: 22 часа, 3 минуты и 57 секунд. Ему же принадлежит и рекорд скорости на Луне за рулем «Лунного ровера» — 11,2 мили per hour*, то есть 18 километров в час.

Если Армстронг, вернувшись, изрек пламенную речь о нашем спутнике, — то Сернан, уходя с Луны, оставил лишь три небольшие буквы, начертав их пальцем на лунной пыли: ТДС, Трэси Даун Сернан — инициалы своей девятилетней дочери.

* В час (англ.).

